

УДК 821.35 : 821.512.37

ББК 83.3 (235.7)

Ч 75

М.Ю. Чотчаева

**Тема депортации в творчестве писателей Северного Кавказа и Калмыкии:
оценка литературоведения и критики**

Аннотация:

В статье рассматривается художественно-онтологическое исследование проблемы депортации в литературах Северного Кавказа и Калмыкии, а также их научное освещение и оценка литературоведами региона.

Ключевые слова:

Концепция человека, проза о депортации, трагический образ героя, типологические созвучия, концепты «честь», «достоинство», «нравственность», «свобода личности», «судьба человека».

Обширная северо-кавказская литература «о каторге и ссылке» дает основание и материал для всестороннего исследования различных теоретико-литературных и философско-онтологических вопросов в различных аспектах: например, проблемы трагического (Б.Берберов), концепции человека (Н.Манджиев). Наше внимание последовательно привлекает художественное решение проблемы *свободы личности* на материале русской и северо-кавказской литературы. Если Б.Берберов в своем зрелом квалифицированном исследовании [1] дает целостный системный анализ карачаево-балкарской *поэзии* о периоде массовых репрессий, то аналогичную задачу выполняет Манджиев Н.Ц.[2] по отношению к калмыцкой *прозе* о депортации. Ее автор отмечает, что в прозе о депортации конца 80-90-х XX в. «сосредоточились основные содержательные, эстетические искания современной калмыцкой литературы, но, тем не менее, в ней доминировала более всего познавательная функция»[2: 10]. Одной из центральных проблем этого исследования становится концепция человека, в прозе о депортации «создан трагический образ героя, который требует своего осмысления» [2: 11]. Калмыцкая проза о депортации, развиваясь в русле отечественной литературы, была типологически созвучна литературам соседних регионов, литературам репрессированных народов.

Вообще литература, по мнению Манджиева Н.Ц., должна была ответить на животрепещущий вопрос, касающийся судьбы репрессированных народов: «в чем ценность человека, благодаря каким качествам человек сохранил свое достоинство, не повторится ли в будущем трагическая история, поправшая права и свободы человека, целых народов?» [2: 12] В большом корпусе произведений на обозначенную тему Манджиев Н.Ц. стремится, с одной стороны, определить «общие принципы, силовые линии, по которым объединяются, стягиваются типологически родственные произведения, с другой стороны, - выявить индивидуальные особенности мастерства писателей. Поэтому Манджиев Н.Ц. считает, что литература о депортации - не просто объект, а «проблема исторического пути, политического развития общества, ее боль, ее муки совести, один из возможных путей в будущее, которая определит духовное, историческое, нравственное, политическое здоровье народа» [2: 20]. В прозе о депортации Манджиев Н.Ц. на специфическом материале видит решение «едва ли не всех главных концептуальных и эстетических проблем современной калмыцкой литературы», в частности, концепции мира и человека в их единстве.

Интересно то, что концепцию человека Манджиев Н.Ц. осмысливает через концепты *жизнь, судьба, смерть, душа, честь, достоинство, совесть, пространство, время, природа, красота, труд* и т.д., которые образуют в художественном произведении оригинальную концептосферу.

Тему депортации народов, в том числе калмыцкого, Манджиев Н.Ц. выделяет и в ряде произведений русской литературы («Архипелаг ГУЛаг» А.Солженицына. «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Погружение во тьму» О. Волкова, «По праву памяти» А. Твардовского, «Техник-интендант» С.Липкина, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Декада» С.Липкина, в которой речь идет о депортации одного из народов Северного Кавказа, условно названного гушанами.

Манджиев Н.Ц. отмечает появление в последнее время литературоведческих работ, «посвященных идеологическому содержанию периода и понятиям «оттепель» и «культ личности» (Герасименко А.П.; Одесский М., Фельдман Д.), констатирует, что как научная проблема тема ссылки калмыцкого народа в художественной литературе была поставлена и освещалась в исследованиях Р.А. Джамбиновой «Роман и автор. Новые грани художественности (1960-1990 гг.)» (1996), «Писатель и время» (1996). Исследованию темы посвящены работы и самого Манджиева Н.Ц., считающего, что проза о депортации - это «живой, постоянно развивающийся процесс», который ставит перед художниками проблему «выработать концепцию человека». Избирая в качестве материала исследования повести калмыцких писателей двух временных этапов: 60 - начала 80-х годов XX столетия и конца 80-90-х годов XX-начала XXI вв., Манджиев Н.Ц., отмечает, что, поскольку в прозе последних полутора десятилетий, в которой еще «окончательно не откристаллизовались наиболее крупные литературные явления, а новые произведения еще способны вносить серьезные коррективы в наши представления о писателе, той или иной художественной тенденции, не все произведения равноценны, он вынуждает прибегать к принципу избирательности в систематизации материала» [2: 21]. Правда, такой, на первый взгляд, лишь технический недочет, как отсутствие в тексте диссертации датировки каждого исследуемого произведения, ведет к некоторому обеднению смыслового содержания работы.

Манджиев Н.Ц. стремится выявить «в разноречивых явлениях прозы о депортации контуры сложного, но единого, органически целостного процесса, показать его внутреннюю логику, обусловленность движением реальной жизни, общественного сознания и самой литературы, определить пути исследования человека, понимания его ценности, гуманистической сущности, специфику художественно-эстетических поисков писателей в изображении человека» [2: 23].

Манджиев Н.Ц. рассматривает тематическое многообразие, сложность постановки проблематики и ее решения в разных жанрах прозы о депортации, исследует образную систему, общие и индивидуальные особенности, приемы и принципы художественного осмысления человека в прозе о депортации. Автор работы принимает методологическую установку Г.Д. Гачева, сводящуюся к тому, чтобы «подвинуть навстречу друг другу категории литературно-эстетического анализа и историко-экономического, чтобы между ними установилась большая «совместимость тканей» [3: 33].

Концептуально значимым представляется наблюдение Н.Ц.Манджиева о том, что проза о депортации калмыцкого народа зафиксировала два периода творчества писателей – «во-первых, возможность (разрешение) писать об этом первоначально вызвало напряженную и активную энергию писательского творческого акта, необходимость немедленно отозваться на самую болезненную точку национальной трагедии (произведения общественно-публицистического характера); во-вторых, новое время, новые веяния и условия потребовали от писателей углубленного, аналитического взгляда на события и факты из трагической истории и судьбы калмыков, что завершилось созданием психологической, философской прозы высокой художественно-эстетической пробы» [2: 33]. Проблема человека в анализируемой литературе рассмотрена Н.Манджиевым посредством анализа художественных концептов «честь», «достоинство», «нравственность», составляющих более общий концепт «судьба человека».

Исследователь справедливо отмечает, что критика и литературная наука 60-80-х годов прошлого столетия избегали прямого разговора на тему депортации, а «истинная

трагедия в произведениях оставалась за кадром - ощущение ее порождалось общим читательским впечатлением, выражалось особым тоном, настроенностью, общим смыслом произведения». Калмыцкие писатели художественное исследование человека решали в русле советской литературы, а наука о литературе и критика рассматривала проблему человека «в аспектах социалистической личности, советского характера» [2: 41]. Но, по мнению Н.Манджиева, писатели показали, как их герои, «оказавшись в противоестественных условиях, живут по естественным законам, вытекающим по некоему природному руслу» из исконной национальной философии и жизненного опыта.

В произведениях калмыцких прозаиков автор выделяет различных героев, но преимущественно детей, женщин, стариков. Образы детей Н.Ц. Манджиев рассматривает как стадии развития национального характера. По его справедливому наблюдению, «это было не только проникновение в зреющее и растущее сознание человека, в зародыш будущего характера, становления личности, но и удобная форма воплощения запретной темы депортации народа». Центральными персонажами произведений наряду с детьми становятся женщины и старики, как это нередко бывало и в фольклоре, и в классической литературе. Интересно наблюдение Н.Ц. Манджиева о том, что в произведениях калмыцких писателей о депортации народа нет изображения красоты сибирской природы: «Художественное мышление писателей оказалось верным памяти детства, юности, сохранившего образ степи» [1: 15].

Верно наблюдение автора о том, что тема депортации, впервые прозвучавшая в годы «оттепели», была приглушена в брежневскую эпоху конца 60-начала 70-х годов. Многие явления в поведении калмыков в экстремальных условиях, специфику решения проблемы судьбы Н.Ц. Манджиев рассматривает сквозь призму национального менталитета, философии, мифологии, фольклора, религии (шаманство и буддизм в форме ламаизма) монгольских народов. Н.Ц. Манджиев отмечает своеобразие решения концепта «время», которым отмеряет проведенные в ссылке годы рассказчик в повести нового времени Н. Бурулова «Вождление сына». Иное представление о времени у героев повести А. Кукаева «За Обью-рекой». Политический статус ссыльных, тяжелые условия жизни наложили отпечаток на представления героев, они словно не ощущают время. Маран в повести «За Обью-рекой» говорит: «Человек, занятый на работе, не замечает, как приходит и как уходит время». Другой характерной особенностью повести в осмыслении судьбы человека Н. Манджиев считает концепт «природа», которая на чужбине воспринимается как враждебное явление.

Справедлив вывод автора о том, что повесть «За Обью-рекой» таит в себе возможности широких обобщений, поскольку первая часть повести наполнена «холодом смерти», в то время как в советской литературе проблема трагического решалась в героико-оптимистическом ключе. Вовлечение в повествовательную ткань произведений национальных мотивов позволяет увидеть особенности менталитета народов, которые «способствуют постижению сложной концепции человека, и в которых воплотилась картина мира, вбирающая в себя одну из трагических страниц истории народа» [4: 45].

Н. Манджиев приходит к обоснованному заключению о том, что произведения калмыцких писателей 60-начала 80-х годов XX в., несмотря на господствовавшую концепцию «человека-гражданина, который представал как идеал эпохи, способный подчинять свои чувства государственному долгу (при этом скрывая правду истории)», показали, что процесс поворота общественной мысли начался гораздо раньше «разрешенного», и этот поворот не мог не найти своего отображения в литературе. «Поиск духовных ценностей, не изменяющих своего значения в зависимости от политической конъюнктуры, не прекращался никогда, да и сегодня этот поиск не остановлен» [2: 33].

В параграфе «Калмыки в отечественной литературе о Сибири» отмечено своеобразие концепта «пространство» в отношении Сибири, так как на этой огромной территории, от Урала до Сахалина, от Алтая до Северного Ледовитого океана, были «рассеяны на погибель» ссыльные калмыки. Сибирь как место отбывания наказания

отражена в русской литературе с незапамятных времен, продолжает она оставаться им и современной литературе (С. Дмитренко). В то же время в сибирском регионе сложилась своя литература с мощными традициями.

Н. Манджиев отмечает два этапа в освоении темы депортации в калмыцкой литературе уже новейшего этапа: 1) период начала гласности, характеризующийся эмоциональным восприятием прошлого, и 2) период 90-х годов, которому свойственен более углубленный, аналитический подход. Путь, которым прошла литература в творческом постижении темы депортации, автор разделяет на следующие этапы: 1) воспроизведение обстоятельств, 2) исследование характеров, 3) исследование народных судеб.

Ведущим мотивом произведений о депортации Н.Манджиев считает тему памяти. Воспоминание - это не только структурно-повествовательный принцип, в нем заложена «трагическая проблема времени». Автор также отмечает влияние очерка на художественные произведения как характерную особенность времени, не только усиливающую публицистический эффект, но и становящуюся «средством жанрово-стилевого обновления прозы». В произведениях о депортации концепцию человека, тему судьбы Н.Манджиев осмысливает через концепты «достоинство человека», «совесть», «честь», «пространство», «время», «дружба», «враг» «власть», «война» и т.д.

В современной прозе о депортации Н.Манджиев отмечает изменение стиля, «типа мышления героя и самого художника». В стилевых процессах он усматривает усиление интереса к личности человека, замедленность повествования, связанную с желанием взглянуть в человека, «влечение к развитой гуманистической проблематике». В структурном построении произведений Н.Манджиев выделяет ассоциативные связи, смещения, перебивку времен и т.д. (А. Джимбиев, Н.Бурулов, А. Балакаев). В необычно широких по стилевому диапазону – от «репортажа» до внутреннего монолога - очерках, рассказах, повестях, романах он видит концентрацию трех основных признаков современной прозы о депортации: стремление к документальности, глубокий психологический анализ, интерес к гуманистическому решению конфликта. Внимание автора привлекает общность сюжетов произведений, «они как будто просты, прозрачны, но в них нет налета кафковской приговоренности» [2: 105].

Сходство событий и ситуаций, с которыми сталкиваются герои произведений, Н.Манджиев расценивает как свидетельство общих, типологических свойств развития прозы. Некоторые образы звучат символически, таким предстает образ «товарняка», тюрьмы на колесах новейшего времени, когда кардинальным образом меняется традиционный концепт «дорога». Заметим, кстати, что зловещий мотив товарняка настойчиво звучит и в карачаевско-балкарской поэзии выселения.

«Возможно ли в условиях полных мук и страданий сохранять собственное достоинство?» [2: 100] - задается вопросом автор и приходит к выводу о том, что, хотя в сталинские голы достоинство личности было подменено достоинством класса, было возможно и первое. Особую роль в художественной концепции осмысления темы смерти Н. Манджиев отводит концептам «природа», «зима», которые участвуют в создании трагической концепции человека. А в эпической концепции жизни автор прослеживает буддийскую основу мировоззрения героев.

Н. Манджиев обращает внимание на то, что «логика экстремальных обстоятельств выселения требовала показа действий, а внутренний мир, естественно, отодвигался на второй план» [2: 110], но со временем чрезвычайные обстоятельства превращались в типические. Вместе с тем смена позиции наблюдения не ослабляла «энергию обличительного взгляда на проблему», но зато социально-проблемный аспект изображения дополнился еще двумя: психологическим и культурологическим. Углубление психологического анализа Н.Манджиев видит в концентрации на более локальных картинах (Т. Бембеев, С. Байдыев), что отразилось на принципах воплощения сюжета. Кроме традиционного хронологического построения сюжета, Н.Манджиев

отмечает наличие концентрического сюжета (И. Бурулов, А. Балакаев), обращает внимание на то, что «героями выступают деды и внуки, женщины, нет отцов» [2: 114].

Далее Н.Манджиев проводит типологическую характеристику жанров панорамного романа, повести-хроники, «бытоописательной» повести, мемуарных и автобиографических произведений исследуемой проблематики и последовательно рассматривает особенности изображения человека в произведениях разных жанров, прежде всего - в автобиографической повести и автобиографическом очерке. В произведениях о депортации Н.Манджиев отмечает исключительно большую роль темы или концепта любви, в любви раскрывается полностью личность героев, с этой темой связан основной «драматический интерес» рассказа «Свадьба под конвоем».

Концепт «судьба» в художественном сознании писателей опирается на народные представления, он вбирает в себя концепт «дорога жизни», у которой есть начало и конец. Затем Н.Манджиев рассматривает концепцию человеческого достоинства, проблему противостояния власти и личности, всемогущества государства и трагедии отдельной человеческой судьбы и, одновременно, концепцию народного исторического оптимизма.

Автор, в частности, ссылается на мысль Г.Гачева о том, что «человек в сложной ситуации XX века обращается к биологическому здоровью детства, чтобы найти в нем опору для социального, исторического оптимизма» [3: 55] Н.Манджиев приводит также мнение социального антрополога Э.Б.М.Гучиновой о сочинениях детей, посвященных теме депортации: «Неоднократно в сочинениях встречается сюжет о младенце... Обычно он восходит к библейским сюжетам. Однако, судя по конкретным деталям, данные истории имеют реальное происхождение. В Большой книге депортации младенцы символизировали следующее поколение народа, а значит, его будущее, которое действительно рождалось в дороге. Поэтому в рассказанных историях дети чаще выживают, а те, что погибли, символически намечают масштаб демографических потерь» [2: 41].

Исследование жанрового состава прозы о депортации приводит автора к выводу, что «многочисленные факты, обилие событий, человеческих лиц живут не сами по себе, а создают сложную картину мира, живой портрет времени в его неожиданных гранях и проявлениях. Вопреки всем тяготам они сохраняют свою человеческую ценность, независимо от того, изображен ли герой с детальной обстоятельностью или с лаконичной немногословностью» [2].

В разделе «Позиция автора в повествовании» исследователь обращает внимание на роль авторской личности в повествовательных структурах. Жанровое своеобразие произведений определяется личностью повествователя (или - «образом автора»), то есть позицией и характером лица, от имени которого ведется повествование. Исследователем выделено несколько повествовательных форм: панорамный роман, повести-хроники, бытописательские романы, психологические повести-воспоминания, документальные и автобиографические повести и очерки. По стилевой доминанте произведений о депортации Н. Манджиев выделяет две группы: 1) произведения информационно-публицистические, где «авторский голос направляет движение сюжета» (М.Нармаев, Л. Инджиев, С. Байдыев, Н.Бурулов, Б. Сангаджиева, Т.Бембеев). 2) произведения хроникально-психологического типа, поэтика которых связана с литературой периода 60-80-х годов прошлого века, а также произведения А. Балакаева. В обеих группах Н.Манджиев отмечает общие свойства, такие, как наличие героя, близкого автору, сходную авторскую позицию в повествовании, сходную роль подтекста.

Характерной особенностью произведений о депортации Н.Манджиев считает стремление к замедленности повествования. По его мнению, такое повествование выполняет двоякую функцию. Во-первых, предоставляется возможность взглянуть в героя, в его духовное состояние, остановить мгновение или запечатлеть его во всех подробностях. Во-вторых, передается не только атмосфера того времени, но и как бы физическое восприятие времени: ожидание конца пути, ожидание конца войны,

возвращения родного человека с войны, ожидание перемен в судьбе народа и возвращения в родные места. Эти общие свойства осмысляются по-разному и ведут к различным результатам. Исследователь отмечает своеобразие повествования в произведениях А. Балакаева, Т. Бембева, где повествователь выступает как профессиональный писатель, который излагает, как, например Т. Бембеев, в форме дневника свои воспоминания о событиях, свидетелем и участником которых был. «По-разному ведет себя повествователь в произведениях А. Балакаева 90-х годов в отношении героев. Автор доверяет им, дает возможность проявить только им присущие черты характера. В то же время он и не оставляет их полностью наедине с собой» [2: 144].

Интересно наблюдение о том, что в роли повествователя, рассказчика в произведениях А. Балакаева выступают многие персонажи. Такая форма авторского вмешательства определяется стремлением показать достоверность происшедших событий, встать рядом с персонажем. Кроме того, такая форма повествования открыла широкие художественные возможности: повествователь свободно перемещается во времени и пространстве. Сюжетные ответвления порой уводят повествование от основной темы романа, однако образ автора, его комментарии позволяют создать широкую панораму жизни народа.

Правда, несколько неожиданно звучит вывод Н. Манджиева о том, что «все повести и романы калмыцких прозаиков о депортации можно отнести к творчеству писателей традиционного рационалистического направления» [2: 212]. Трудно сказать, что подразумевает исследователь под «традиционно рационалистическим направлением», тем более, отнеся к нему «все повести и романы калмыцких прозаиков о депортации».

Подводя итоги исследования, Н. Манджиев приходит к убедительным выводам, верно характеризующим основные тенденции и динамику развития анализируемого литературного явления или процесса, четко дифференцируя его ранний и последующие периоды: В 60-70-е годы калмыцкая проза о ссылке народа была «далека от широкого осмысления проблем, лишена трагичности, ограничена идеологическими пределами». Но при всех ограничениях, неполноте знания о депортации она ... освоила художественные уроки в этой сложной теме, подготовив дальнейшее ее развитие [2: 213]. В конце 80-начале 90-х годов решение трагической концепции судьбы человека было связано «не только с внутренними устремлениями развития эстетики и тесно связанной с ней концепцией личности, но, прежде всего, с общественно-политической обстановкой времени, когда ценность человеческой личности решается как само собой разумеющееся, защищенное государством, законом [2: 213].

Однако Н. Манджиев видит, что с наибольшей остротой, следуя трагической правде истории, исследование проблемы ценности человека проявилось в современной прозе о депортации. Поэтому не случайна творческая судьба произведений А. Балакаева, А. Бадмаева, А. Джимбиева, С. Байдыева, которые смогли полностью реализовать свои художественные замыслы лишь после крушения административно-командной системы.

Сам автор хорошо осознает, что новый взгляд на литературу потребовал обновленного инструментария литературоведческого анализа. Старый подход к анализу и интерпретации художественных произведений не всегда оказывался способным показать человека в его взаимосвязи с действительностью. Поэтому некоторые произведения советского периода ждали своего объективного анализа. Новизна прозы о депортации, по мнению Н. Манджиева, заключается во взгляде писателей на ссылку как трагическое событие, в стремлении к изображению полной правды, к документальной летописности во взгляде на людей периода ссылки, психологическому драматизму, показу сложности проявления личности в критических ситуациях. Тем не менее, для многих произведений о депортации, как считает Н. Манджиев, характерна лишь фиксация момента, в котором раскрывается сущность человека, а не показ его психологии, сознания. Наряду с произведениями, носящими ярко выраженный публицистический характер, в прозе о депортации утвердился и социально-психологический тип повествования. Н. Манджиев

четко формулирует, что «судьба человека в период ссылки стала главным объектом художественного исследования не только в панорамных произведениях, охватывающих периоды начиная с двадцатых годов прошлого века, но и в произведениях, ограниченных локальным пространством. Произведения о депортации нельзя сводить только или преимущественно к художественно-социальной хронике, повествованию о конкретном событии. В них предстает не «частная» драма отдельной семьи, личности, в них отражается трагическое столкновение двух волей: государственной и личной» [2: 300]. Слепому подчинению воле государства, характерному для произведений 60-начала 80-х годов, в современной прозе Н.Манджиев противопоставляет сознание героя, автора, осознающего тяжелые последствия общегосударственной политики репрессий по отношению к собственному народу.

Примечания:

1. Берберов Б.А.-Ю. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2002. 23 с.
2. Манджиев Н. Калмыцкая проза о депортации (некоторые аспекты концепции человека). Элиста, 2005. 239 с.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1973. 347 с.